

Никитин Александр. Директор эколого-правового центра «Беллона».

Когда меня спрашивают об Алексее Владимировиче Яблокове, я начинаю с того, что в жизни каждого человека есть люди, которых этот человек считает своими учителями, великими учителям, которые в этой жизни чему-то научили, к чему-то привели и сыграли какую-то огромную роль в его жизни. Мне кажется, что если любого человека спросить, «в твоей жизни были такие учителя, которые в тебе создали то что, в тебе есть, тебя научили тому, что ты знаешь», то скорее всего, каждый, независимо от того, молодой он или пожилой или старый, он скажет, что «да». Так вот, в моей жизни было несколько человек, не очень много, наверное, можно сосчитать на пальцах одной руки, это несколько человек, которые меня чему-то обучили, куда-то привели, дали мне то, что у меня есть сейчас. Например, академик (...). научил меня ядерной физике, и он был моим первым учителем, который меня учил, и потом когда я уже был взрослым и учился в академии, он тоже меня учил. И он меня обучил этой науке.

Великие юристы и правозащитники Юрий Маркович Шмидт и Борис Павлович Пустынцев привели меня в правозащиту, в юриспруденцию и они меня этому обучали. Григорий Алексеевич Явлинский привёл меня в политику, это тоже один из моих учителей, который меня научил, что такое политика и кто такой политик. Алексей Владимирович Яблоков привёл меня в экологию, потому что, когда я пришёл в экологию, в охрану окружающей среды, то я был просто специалистом в области ядерной радиационной безопасности, а Алексей Владимирович Яблоков сделал из меня специалиста, сделал из меня эколога. Он меня ввёл в эту команду экологическую, которую он всегда возглавлял, всегда, вот сколько я себя помню, даже когда я ещё не занимался напрямую экологическими вопросами и вопросами безопасности ядерно-радиационной в том плане, в котором я занимаюсь сейчас, то я знал о том, что существует профессор Яблоков, и что он возглавляет экологическую общественность, и что он возглавляет общественное экологическое движение. Это всегда было известно всем, кто интересовался общественной жизнью в стране. И когда 20

лет назад, наверное, это было, да, это было 20 лет назад, я с ним познакомился, то он мне сказал, и он меня научил, почему мы должны вообще работать, используя свои знания и свой опыт на благо природы, на благо окружающей среды и на благо людей. Он был моим учителем, который привел меня в экологию. И дальше мы с ним практически не расставались, потому что у нас было много проектов, в том числе по строительству зеленой партии, которая потом стала фракцией в партии «ЯБЛОКО». У нас были проекты, которые касались ядерной радиационной безопасности, проекты, которые касались безопасного использования атомной энергии. Мы до последнего были вместе. Что поражало в Яблокове, это его трудоспособность. Сейчас многие пишут, что еще не было такого случая, чтобы Яблоков не отвечал им на письма, звонки или просьбы, на какие-то обращения, не смотря на свою занятость, на здоровье, на личные нужды Он всегда находил время для того, чтобы держать контакт, отвечать тем людям, которые обращались по вопросам, которые касаются защиты окружающей среды. Яблоков был человеком, который в этой области был бескорыстным, он не извлекал из своей работы, своих связей, своих возможностей корысть. Он был идеалистом, из тех идеалистов, которые работали в экологических проектах не за какие-то ценности материальные, а за идею. Он стал авторитетом практически для всех. И сейчас, когда мы встречаемся, то в первую очередь говорим о том, что мы потеряли этот авторитет, к сожалению, в экологическом общественном движении. Сейчас, если говорить об экологическом общественном движении, просто нет вот этого авторитетного человека, а может быть, даже судьи, у которого могли бы пойти спросить и получить ответ на свой вопрос. Такого человека нет.

Он с одной стороны был простой в общении, Ему можно было в любой момент позвонить, поговорить и спросить, с другой стороны он был принципиальный в тех взглядах, которые он отстаивал. Он был человеком реальным, то есть нельзя сказать, что Яблоков - это фантазёр, который о чем-то мечтал, нереальном, недостижимом. собственно говоря, его можно назвать, конечно, романтиком, но с другой стороны он был реалистом. Он понимал многие вещи совершенно реально, и он понимал, возможно ли, допустим, скажем, что-то сделать для того, чтобы решить какие-то задачи, которые касаются охраны окружающей среды, причём реально

решить, а не просто там, где-то там, куда-то, с какими-то лозунгами или фантазиями.

Я с ним работал, в основном, в той области, из которой я вышел по образованию. Эта область касается атомной энергии. Это очень сложная, такая неоднозначная область. С одной стороны - это оружие, против которого он всегда выступал. Любой нормальный человек всегда будет выступать против использования атомного оружия, вообще против его существования, поскольку это угроза всему человечеству. С другой стороны есть ядерная медицина и наука, которых он никогда не отрицал. И даже когда последние годы он болел, то он использовал плоды ядерной медицины, чтобы поправить свое здоровье.

Он понимал, что есть огромные проблемы, которые принесены атомной отраслью за 70 или 80 лет ее существования. Он понимал, что эти проблемы невозможно решить однодневно. Но он участвовал в этой работе, в которой мы с ним вдвоем участвовали, для того, чтобы эти проблемы решать.

Как он говорил «step by step». Поэтому он был реалистом. Он останавливал даже фанатиков, которые, ведь не секрет, что среди экологических людей и вообще среди людей достаточно много фанатиков, начиная от религиозных и заканчивая даже экологическими фанатиками. Он их останавливал и опускал на землю, в этом его большая заслуга.

Его признавали не только экологические активисты, но и великие ученые и политики. Когда он стал советником президента Ельцина по экологии, это как раз признание политиками того, что он реалист, и он может сделать что-то в этой области. У него были работы, которые ценились не только с точки зрения науки, они в первую очередь ценились, потому что становились фактическим шагами для реализации каких-то проектов. Например, Яблоков, в свое время, будучи советником президента России, издал так называемую «Белую книгу» о заглубленных ядерных радиоактивных объектах, радиационных объектах в акваториях в арктических морях. Эта работа имеет и научное значение, но еще больше она имеет практическое значение, потому что она дала импульс тому, чтобы начались практические проекты по очистке арктических морей и побережий от радиационной угрозы.

Я могу привести много примеров, когда его работы были направлены не просто на развитие теоретической науки, а именно

на то, чтобы эта работа давала какие-то практические импульсы. Это то, что делал Яблоков как практик, а не как Яблоков теоретик. Я, к моему большому сожалению, уже поздно позначился с ним, всего 20 лет мы были знакомы. Я не очень хорошо знаю область, которой он занимался всю свою жизнь. Об этом надо разговаривать с учёными, с его коллегами, с академическими коллегами, которые работали с ним, это защита млекопитающих, защита природы, те работы, академические работы, которые он делал. Я больше с ним встречался, как с учёным практиком и с учёным, авторитетным в области общественных экологических проектов.

Яблоков для многих людей, для многих коллег, многих экологических коллег, он был, как отец. То есть они, конечно, были помоложе - с одной стороны, но не ко всем людям старшим по возрасту относятся как отцу. Вокруг него всегда была такая тесная семья, экологическая семья и до сих пор много людей его воспринимают, как отца, как своего отца.

Мне Яблоков запомнился ещё тем, что он был достаточно прямым человеком, то есть он никогда не искал какие-то хитрые выражения или какие-нибудь, там, скажем, политические какие-нибудь такие подходы при решении. Иногда это резковато выглядело, но он всегда говорил прямо. Как говорится «в лоб». Если что-то надо сделать, если с чем-то не согласен, или что-то не так, как он это понимал, он просто высказывался прямо. И на это, самое главное, никто не обижался, потому что он был прав. На правду, как известно, не обижаются.

Его мировое признание в первую очередь по основным его работам, которые связаны с млекопитающими, там он был просто международным авторитетом. И он это всё делал, он это все рассматривал как основную задачу своей жизни. Он просто это любил, у него были тоже свои учителя и он просто вот эту область любил. Он, конечно, занимался множеством вопросов, это не только то, что у него были основные научные вопросы, это буквально любой вопрос, который касался защиты окружающей среды, да, или защиты экологических прав человека - это все равно к Яблокову. Поэтому многие говорили о том, что для Яблокова нет каких-то отдельных вопросов экологических, которыми он сегодня занимается, а завтра не занимается. Любой, абсолютно любой вопрос, то ли это касалось леса, то ли воды, то ли морей и океанов,

или растений, или животного мира – это все к Яблокову. Это всё Яблокову. Он на Землю смотрел таким образом, что это дом, в котором мы живем. Он не отделял себя от того мира, в котором он живет, от тех людей, которые вокруг. Это было как бы единое целое.

Мне кажется, что если посмотреть сейчас, в том плане, что есть ли вот такие всеобъемлющие люди, то я думаю что нет, вот на самом деле нет. Вот люди приходят в эту область, в область окружающей среды, или я назову эту область экологией, они приходят и уходят. Яблоков в этой области жил. Где бы он ни был, и чтобы он ни делал, но это касалось вот этой работы. Он всегда был, он всегда присутствовал в этой области. Он понимал, что некоторые вопросы решать сложно, может, даже невозможно, искал пути, вот этот путь, который привёл его в партию «ЯБЛОКО», Реально вот это начиналось на кухне у него дома, когда мы сидели пили чай и пришли к тому, что для того, чтобы решать многие вопросы, которые не решаются, нужна политическая какая-то воля. Для того, чтобы это политическая воля реализовалась, нужны инструменты в виде политической партии.

У нас с ним, я не скрою, у нас с ним по поводу строительства зелёной партии были разные взгляды. Он в этом плане был идеалистом. Я ему говорил: «Алексей Владимирович, ну не бывает так, потому что нет практики». Он, например, считал, что в принципе реально построить зелёную партию абсолютно только на экологических ценностях, а я ему говорил, что это невозможно. Но если бы это было возможно, то в зарубежных странах, где зеленые партии очень сильные, в Швеции, например, Германии - там зеленые партии они бы уже на этих целях и выстроили. Ну, если посмотреть на эти зеленые партии вот таких стран, в которых «зеленые» сильны, то там одних экологических ценностей для политических партий оказалось недостаточно. Тут надо смотреть ещё на те аспекты, которые добавляются... Гендерные вещи, которые тоже социальные, это тоже к этому относится. Надо собирать единомышленников такими флангами, для того чтобы в России попытаться построить зелёную партию, но он был убеждён, хотя я говорил, что он был не идеалист, но в этом плане он был убеждён в том, что на исключительно экологической платформе, платформе защиты окружающей среды можно выстроить

политическую партию. И когда это не получилось, то тогда мы пришли как фракция в партию, которая существовала. И в этой партии кроме экологов, собственно говоря, которые заняли какое-то место, были другие направления, которые обязательно должны быть в политической партии. Это я уже перехожу к теме партийной, которая касается партии «ЯБЛОКО» Мы с ним иногда по этому поводу, особенно первоначально, когда этим занимались, мы с ним неоднократно спорили, как лучше. Ну, там были различные события и различные были приняты решения, и в конце концов мы так остались каждый при своем мнении по этому вопросу. Экология - это такая штука, не каждый человек, который попадает в эту область, он в этой области остается, по разным причинам. Причины бывают абсолютно непонятные для других.

Мы с ним познакомились, когда для меня были тяжелые времена. Тогда шел процесс, за то, что мы написали доклад о радиационных угрозах на севере, нам предъявляли обвинения совершенно чудовищные, которые грозили нам по 10-15 лет тюрьмы. И это были вообще тяжёлые времена. Яблоков тогда встал на нашу сторону, он поддерживал, он тогда однозначно, когда были экспертные заключения различные, он тогда писал и говорил, что ребята, любая авария радиационная, ядерная, это угроза для людей, это угроза для окружающей среды, и это надо считать экологической информацией. Если, допустим, мы пишем о Чернобыле или других авариях, которые были, (много аварий было на атомных кораблях, на атомных подводных лодках, радиационных, ядерных), если мы пишем об этих авариях, значит, эта информация экологическая. В то время как оппоненты говорили, что это не экологической информации, эта информация закрытого характера и не касается никого. И Яблоков, конечно, своим авторитетом, постоянно в этом плане, в этом споре нам помогал.

Когда мы с ним познакомились, он сказал несколько фраз, которые я всегда помню. Он сказал: «Если ты присоединяешься к нашему экологическому сообществу, пришел в экологию для того, чтобы на этом получить какие-то дивиденды, то ты сделал ошибку.»

И второе. В результате этого процесса, через который я и мои коллеги проходили, а это был жесткий процесс – преследования, аресты и так далее – он говорил: «Если ты хочешь в этом остаться и заслужить какое-то признание и авторитет, то всегда думай,

чтобы не вляпаться во что-нибудь дурное типа коррупции. Или еще чего-нибудь. Потому что иногда мы защищаем человека, а там оказывается другая сторона».

И вот эта чистота, с которой Яблоков подходил к жизни, всегда в нем присутствовала.

Он жил на земле. То, что он создал в своей деревне, свидетельствует о том, что земля была тем домом, который он очень сильно любил. Когда я думаю, что Яблоков ушел, а эта планета, эта земля, эта деревушка, где Яблоков сам сажал, потеряли не только величайшего ученого, который сделал очень много, но в первую очередь мы потеряли своего учителя, своего друга и тот авторитет, подобного которому сейчас в России, к сожалению, нет. Может быть пройдет время и появится, но если честно, то вот на горизонте не видать, потому что если есть учёные, есть отличные учёные, великолепные учёные, но когда вопрос касается, скажем, учёные и общество или учёные и политика, то тогда уже начинаются трудности. Вот начинается позиция, ну то есть они занимают позицию, вот я учёный, а политика это не моё, вот я учёный, а общественность, ну которая там вокруг, ну вот это общественность. Моё место вот здесь вот, моё поле - наука. А соединить вот это вот все в одном человеке очень сложно. Или наоборот, если он политик, то он, конечно, не такой учёный. Вот это вот соединение, которое было в Яблокове, это, конечно, такое редкостное явление, и поэтому, где взять такое явление.

Он был исключением из правил Очень много общественников хороших, партийных, но ученые политики, общественники, это другое.

Я говорю о сегодняшнем дне, о ближайшем десятилетии, может быть. Я дальше не смотрю, потому что надо реально смотреть. Мои коллеги, у нас споров много, мы работаем с областью использования атомной энергии, много работаем в области по обращению с радиоактивными отходами, то есть для того, чтобы перевести все эти радиоактивные отходы в безопасное состояние. И многие мои коллеги очень часто говорят, ну типа того, что вы говорите, что технологию, которую сейчас использовали, её надо поддержать.

А вот что будет с этим через 50 лет или через 100 лет? Ну, слушайте, не знаю, что будет с этим через 50 или 100 лет, я думаю, вряд ли кто-нибудь скажет, что будет с этим хранилищем через 50

лет, 100 лет, потому что если оглянуться назад, что было 100 лет назад, кто знал про радиоактивные отходы и прочее. Этого не было, мир меняется, люди меняются и поэтому загадывать больше чем вперёд на 10-20 лет, что будет, это и то много. За 20 лет все может поменяться, поэтому, да, может появиться человек. Мы его, может быть, ещё не знаем. Где-то он ещё в области науки, например, да. А потом из области науки выйдет в область политики, общественных отношений, появится новый Яблоков, это нормально. Всё меняется, совершенствуется, так что это всё-таки вещи непрогнозируемые, прогнозировать очень сложно, даже технические вещи прогнозировать очень сложно, настолько всё стремительно..

По поводу «ЯБЛОКА» Многие мои коллеги и знакомые, зная о том, что я в «ЯБЛОКЕ» так долго, меня постоянно спрашивают, что ты там делаешь вообще. Ты вот что делаешь в этой партии, да, зачем она тебе, зачем это всё. Ты хочешь быть, скажем, депутатом или ты хочешь занять какую-то административную должность, многие же в партию идут, чтобы, потом найти какое-нибудь тёплое место, использую партию, используя возможности свои какие-то, в СМИ и так далее. Я всегда отвечаю, что с тех пор, как я пришел в партию, я увидел, что вокруг меня в этой партии, ну, по крайней мере среди тех людей, которых я знаю, это те люди, которые мыслят так как я, оценки они дают примерно такие же, и мышление у них такое же, и настроение у них такое же, и цели у них такие же. То есть я нашел какой-то коллектив единомышленников и другого коллектива я просто не ищу, и не буду искать. Потому что считаю, что многие вещи, которые делаются и делали за все это время, пока мы здесь, они, собственно говоря, правильные. Может быть из-за того партия и не достигла какого-то сейчас уровня, когда она правящая и так далее, потому что слишком правильно они мыслят в нашей ситуации, понимаете. Вот многие вещи, многие оценки которые я слышу того, что происходит в стране, допустим, они с моей точки зрения совершенно правильные. Другое дело, что с этими оценками ты не получишь того, что можно получить с теми же оценками, которые ты высказывал бы, если ты был бы, в ЛДПР или в «Единой России». Я её вообще не воспринимаю как политическую партию, такой набор людей, чего-то ищущих и стремящихся к какой-то власти где-то.

Вот, и поэтому я всегда говорю, что я нашел, не буду высоким называть словом - семью, я нашел тот круг людей, в котором мне комфортно. Для меня «ЯБЛОКО» - это единомышленники, которые меня понимают, которых я понимаю, с которыми мне комфортно. Когда мне комфортно, значит, я остаюсь, если бы мне было некомфортно, это было бы по-другому, я бы просто ушел, в принципе можно же уйти, не обязательно в какую-то партию, а так я как бы присутствую.

Есть ещё вопросы, которые остались нерешенными, и мы бы хотели их, конечно, завершить, те, которые начинал Яблоков. Надо это делать постоянно. Посмотрим, как это все будет. Но я считаю, что в принципе, если брать 25 лет, партия никогда радикально не меняла взгляды по политическим, экономическим, социальным, экологическим, по всем вопросам, которыми эта партия занималась. Это не то, что она стояла на месте, застыла, это был не застой, это были принципиальные моменты, которые она всегда отстаивала. Если возникает, допустим, другая ситуация, в области, скажем, экологии или экономики, то когда партия дает оценку этой ситуации или какие-то предложения, которые возникают, то исходит из стратегической линии, как партия вообще понимает и относится к тому или иному вопросу.

Для меня это всегда логически правильно. Морально правильно, с точки зрения человеческой это правильно. Без всяких таких натяжек. Когда человек в партии из-за того, что он разделяет эту идеологию, то мне кажется, что это надёжные люди, это те люди, которые не пришли в партию поискать какого-то тёплого места для того, чтобы реализовать свои какие-то жизненные планы. Это просто пришли идеологически понятные люди, которые разделяют идеологию вот тех людей, которые в этой партии. Вот, собственно говоря, если говорить о партии кратко. Мы неоднократно с Григорием Алексеевичем это обсуждали, я ему об этом говорил и это не потому, что он там лидер, а потому что его логика, с которой он подходит ко многим вопросам, она мне понятна. Она мне понятна с точки зрения моего чисто человеческого понимания.